

В восторженном возгласе Чжао Тянь прозвучало искреннее ликование:

— Мамочки, я сейчас умру, они правда вместе!

Вэнь Цинлинь повернулся к Шэнь Тинюаню, и в его взгляде мелькнуло нескрываемое изумление.

Тот, однако, даже не взглянул в его сторону и не замедлил движений. Он как раз перешел к ключевому этапу заваривания — цзифу, то есть взбиванию чайной пены.

Сжав бамбуковый венчик большим, указательным и средним пальцами, Шэнь Тинюань вращал им с филигранной точностью. В каждом движении чувствовался идеальный баланс силы и мягкости: отточенное мастерство должно было превратить чайный настой в густую, плотную и равномерную пену.

Вэнь Цинлинь некоторое время наблюдал за ним, но по опущенным векам и выверенным жестам мужа невозможно было прочесть абсолютно ничего.

— Я так и знала! — радостно воскликнула Чжао Тянь и тут же с любопытством спросила: — Сяо Шэнь-гэгэ, а расскажи, как вы в первый раз встретились с Сяо Вэнь-гэгэ?

Вэнь Цинлинь очнулся от задумчивости, и уголки его губ сами собой поползли вверх. Он все так же смотрел на Шэнь Тинюаня, но в его глазах вспыхнул азартный огонек: жутко хотелось послушать, что за сказку тот сейчас сочинит.

Заявление Шэнь Тинюаня о «любви с первого взгляда» в первую секунду выбило Цинлиня из колеи, но, когда к нему вернулась способность трезво мыслить, он, разумеется, не поверил ни единому слову.

Влюблен со студенческих времен? Если бы Шэнь Тинюань действительно воспылал к нему чувством еще в университете, с чего бы ему почти десять лет хранить молчание и не произносить ни слова вплоть до прошлого месяца?

Все эти годы их отношения ограничивались лишь тем, что они знали о существовании друг друга — и только.

Еще во время учебы оба числились местными знаменитостями. Правда, пересекаться им было незачем: разные факультеты, разные курсы. Но благодаря Хань Чэ, близкому другу Шэнь Тинюаня, который учился в той же Художественной академии на фотографа, Цинлинь то и дело замечал эту парочку в корпусах и на территории института.

Изредка их взгляды пересекались — на едва уловимое мгновение, после чего оба немедленно отворачивались.

Так проходили четыре года его бакалавриата. Шэнь Тинюань и Хань Чэ остались в университете в магистратуре, и, когда Цинлинь получал диплом, Шэнь Тинюань как раз оканчивал учебу.

Позже Цинлинь и сам поступил в магистратуру своего вуза. Он полагал, что теперь они вряд ли будут пересекаться, но вскоре заметил: Шэнь Тинюань, похоже, страстный любитель живописи.

В Хайчэне постоянно проходили выставки разного масштаба, и Цинлинь, едва выпадала свободная минутка, старался их не пропускать. Тем более что на многих из них уже выставлялись его собственные работы.

Из каждых десяти выставок по меньшей мере на семи он непременно сталкивался с Шэнь Тинюанем.

К моменту выпуска из магистратуры Вэнь Цинлинь уже снискал определенную известность как художник-пейзажист и наконец организовал первую персональную выставку.

За последующие три года и вплоть до сегодняшнего дня он устраивал по две «персоналки» в год.

И каждый раз Шэнь Тинюань приходил.

По сравнению со студенческой порой Цинлинь считал, что сделал шаг вперед: встретившись с мужчиной взглядом, он хотя бы вежливо улыбался ему в знак приветствия.

Они были знакомы почти десять лет, но их самый первый разговор состоялся всего месяц назад — и тогда Шэнь Тинюань с ходу предложил ему вступить в брак...

С этой точки зрения их союз и впрямь казался чем-то невероятным.

— Наша первая встреча с Учителем Вэнь произошла, когда я пришел в Академию к своему другу, — глубокий, бархатистый голос Шэнь Тинюаня выхватил Цинлиня из воспоминаний. Интонации мужа звучали неторопливо и отстраненно. — Я проходил мимо одной из мастерских, случайный взгляд сквозь дверное стекло — и я увидел силуэт Учителя Вэнь, сидевшего у окна с кистью в руке.

История начиналась до банальности просто.

То был самый обычный день десятилетней давности.

Спустя столько лет Шэнь Тинюань уже не помнил, зачем вообще пошел тогда в

Художественную академию к Хань Чэ. Наверное, тот опять что-то забыл и прислал сообщение с просьбой привезти вещь. Словом, мелочь, не заслуживающая внимания. Время нещадно, а человеческая память ограничена.

Но...

Но образ Вэнь Цинлиня, отпечатавшийся в его сознании в тот день, выжжен был намертво. Быть может, оттого, что Шэнь Тинюань втайне лелеял его последние десять лет, этот снимок памяти ничуть не поблек — оставался столь же четким, будто все произошло только вчера.

Тогдашний Вэнь Цинлинь выглядел чуточку изящнее и хрупче, чем сейчас. На нем была простая белая рубашка с парой расстегнутых пуговиц на воротах — от нее веяло той особенной, чистой тонкостью, присущей лишь юности.

Кисть сжимала худая рука с длинными пальцами и резко выступающей косточкой на тонком запястье.

Впрочем, холодноватая отстраненность в его облике была ничуть не меньше нынешней. В выражении лица первокурсника Цинлиня не проглядывалось ни капли наивности или детской незрелости.

Он увлеченно работал у окна, так и не узнав, что за дверью появился тайный соглядатай. А может, заметил, но просто не придавал значения.

Легкий сквозняк из приоткрытой створки растрепал челку Цинлиня — тогда она была длиннее — и обнажил шею слева, чуть ниже уха.

Там красовалась маленькая родинка.

В лучах дневного света она выглядела неожиданно маняще, броско, придавая его строгому образу неуловимый чувственный флер.

Хань Чэ, подошедший со спины, недоуменно спросил:

— Ты чего тут застыл? На что смотришь?

Шэнь Тинюань не мог оторвать взгляда от юноши.

— Ты его знаешь? — прозвучал его собственный, едва заметно охрипший голос.

— Кого? — Хань Чэ проследил за его взглядом и ухмыльнулся: — А, ты про Вэнь Цинлиня? Да у

нас на факультете его каждая собака знает! Едва поступил, а по популярности уже почти обскакал меня, любимого! Все твердят, будто он сошел с небес, да только уж больно неприступный. Из тех, про кого говорят: смотреть смотри, а руками не трогай.

«Смотреть смотри, а руками не трогай».

С какими чувствами Шэнь Тинюань про себя повторил эти слова? Он и сам не знал. Лишь опустил глаза и тихим шепотом прошептал имя:

— Вэнь Цинлинь...

В ту же ночь Вэнь Цинлинь пришел к нему во сне.

Сон был откровенным, пьянящим, бесстыдным.

Во сне Шэнь Тинюань покрывал поцелуями шею Цинлиня, лаская родинку, пока та не распухла и не покраснела, а все его тело покрылось сочными, пылающими метками...

Проснувшись, Шэнь Тинюань почувствовал себя преступником.

Он всегда знал, что отличается от остальных.

Его с рождения воспитывали как инструмент.

За все восемнадцать лет жизни чаще всего он слышал одни и те же наставления: «У тебя не должно быть желаний. Желания — это низко и постыдно!», «Любую похоть нужно душить в зародыше, иначе ты превратишься в раба собственных страстей!»...

До встречи с Вэнь Цинлинем Шэнь Тинюань и впрямь верил, что способен жить без желаний и страстей.

В детстве у него не было любимых игрушек, в школьные годы — кумиров-спортсменов... Он не отдавал предпочтения даже той или иной еде.

Но единственная случайная мимолетная встреча с Вэнь Цинлинем перевернула его мир вверх дном.

Он воцарился Вэнь Цинлиня.

Словно воцеление, копившееся и похороненное под пластами запертых восемнадцати лет, в один миг нашло брешь и бурным, неудержимым потоком хлынуло на одного-единственного

человека — на Вэнь Цинлиня.

Он стал истоком и финалом всех страстей Шэнь Тинюаня, его ночным наваждением, повторявшимся изо дня в день.

Сны разнились, но каждый неизменно сводился к одному: к бледному, точно сошедшему с картины лику, на котором горел румянец страсти или расплывалась грязь греха.

Шэнь Тинюань прекрасно сознавал, что его болезненная тяга граничит с безумием, но вырваться уже не мог. Ему оставалось лишь глубже погружаться в эту пучину: выискивать предлоги для «случайных» встреч, ловить мимолетные взгляды, которые на мгновение латали зияющую дыру в груди — только для того, чтобы в следующий миг она разверзлась еще шире.

Все четыре года бакалавриата Цинлиня Шэнь Тинюань наперечет знал расписание его занятий и аудиторий. Знал, что обедать тот предпочитает с Тун Нином в столовой самообслуживания, а на ужин чаще всего покупает в университетском магазинчике обычный хлеб и уходит с ним в мастерскую, пропадая там до поздней ночи.

Шэнь Тинюань часами простаивал под дверями мастерской, за пределами видимости Цинлиня, и смотрел, смотрел...

А когда юноша выходил, Шэнь Тинюань словно на поводке следовал за ним, держась на безопасном отдалении, провожая до самого общежития.

Иногда по пути Цинлинь встречал знакомых. Одни были обычными однокурсниками, но в глазах других явственно читались недвусмысленные намерения.

Видя, как эти люди пожирают Цинлиня липкими, вождедеющими взглядами — хоть сам Вэнь Цинлинь оставался к ним холоден и равнодушен, — Шэнь Тинюань до безумия, до дрожи хотел выколоть им глаза...

А самого Цинлиня — спрятать от всего мира, чтобы никто не смел его видеть.

Но все это оставалось лишь темными фантазиями.

Наяву Шэнь Тинюань не смел произнести в его присутствии ни слова, опасаясь, что стоит лишь открыть рот — и плотину сорвет окончательно.

К счастью, выдержка и самоконтроль были его главным навыком с малых лет.

И он сознательно позволил себе тонуть в этом «грехе», позволил превратиться в «раба страстей», став тенью, затаившимся в темноте наблюдателем, не имеющим права выйти на

свет.

— Значит, Сяо Вэнь-гэгэ учился на факультете изящных искусств? — Голос Чжао Тянь бесцеремонно ворвался в его воспоминания, возвращая к реальности. Девушка снизу вверх посмотрела на Цинлиня, не скрывая восхищения: — Настоящий художник! Это же так круто!

Вэнь Цинлинь легким смешком сдержал эмоции, не сводя взгляда с Шэнь Тинюаня.

То, как муж произнес эти слова, звучало удивительно искренне. Да и его погружение в воспоминания выглядело невероятно настоящим.

Не знай Цинлинь наверняка, что за последние десять лет они не перекинулись и парой фраз, он вполне мог бы поверить в эту красивую сказку про «любовь с первого взгляда».

От этой мысли Цинлиню стало весело: надо же, он и не подозревал, что Шэнь Тинюань — такой талантливый рассказчик! И сочинил все точь-в-точь так, как Цинлиню нравилось.

— Пойдите-ка! — Чжао Тянь вдруг округлила глаза, словно осененная догадкой, и выпалила: — Сяо Вэнь-гэгэ, а как твоё полное имя? Вэнь... Вэнь Цинлинь?

Вэнь Цинлинь, не понимая её реакции, сдержанно кивнул:

— Да. «Цин» — как чистая вода, «Линь» — как в «Приближении к бездне».

Он перевел взгляд на девушку и не заметил, как при последних словах дыхание Шэнь Тинюаня на мгновение перехватило.

— А-а-а! Это и вправду ты! — Чжао Тянь уткнулась в телефон, шустро листая экран, а затем сунула его прямо под нос Цинлиню. — Сяо Вэнь-гэгэ, это ведь твоя подпись, да? Я знала, что твоё имя показалось мне знакомым, когда Сяо Шэнь-гэгэ нас знакомил... Я буквально позавчера видела это в ленте, причем не один раз! Если мои друзья узнают, что я сегодня с тобой болтала, они изойдутся от зависти!

Цинлинь бегло окинул экран взглядом: действительно, его автограф. Должно быть, оставил позавчера в галерее Тун Нина.

Он слегка изогнул губы в улыбке:

— Моя. Надо же, какое совпадение.

Чжао Тянь чуть не прыгала от восторга. Сидевший рядом директор Чжао, до этого молчавший,

наконец нашел подходящую тему для разговора:

— Малыш Вэнь, а в каком жанре ты пишешь?

— Традиционный пейзаж, — коротко ответил Цинлинь.

— Вот так удача! — В глазах директора Чжао вспыхнул живой интерес. — Раз ты художник, то наверняка владеешь искусством чайных рисунков? А ну-ка, покажи нам класс!

Искусство чайных рисунков, или чайная живопись — это традиционное искусство, когда с помощью струи воды и чайного черпачка на заваренной густой пене создаются рисунки. Процесс требует немалого художественного мастерства.

И Цинлинь им действительно владел.

— Я давно не практиковался, — скромно произнес он. — Не судите строго, если выйдет неважно.

С этими словами он взглянул на Шэнь Тинюаня. Получив от мужа соизволяющий кивок, Цинлинь подвинул к себе пиалу с готовой пышной пеной и взял чайник для долива воды.

— Сяо Вэнь-гэгэ, а можно я сниму видео для соцсетей? — с надеждой спросила Чжао Тянь.

Едва вопрос слетел с ее губ, как девушка почувствовала, как на нее обрушился ледяной, тяжелый взгляд. Она инстинктивно вскинула голову, но увидела лишь Шэнь Тинюаня, который с бесстрастным видом наблюдал за движениями Цинлиня.

Тем временем Цинлинь отозвался:

— Я не против.

Забыв о странном ощущении, Чжао Тянь с радостным писком направила камеру телефона на художника.

Никто не заметил, как сжались под столом в кулаки пальцы Шэнь Тинюаня.

Вэнь Цинлинь начал аккуратно наливать тонкую струю воды. Его движения были плавно-выверенными, неторопливыми; само по себе это зрелище напоминало создание ожившей картины и приковывало взор.

Несмотря на скромные слова о нехватке практики, мастерство никуда не делось. Вскоре на

белой пене проявился первый рисунок.

— Ва-а-а! — первой заверещала Чжао Тянь. — Сяо Вэнь-гэгэ, ты просто гений!

На белоснежной поверхности пены явственно проступили силуэты двух прижавшихся друг к другу птичек — точная копия принта с худи Чжао Тянь! Рисунок вышел удивительно живым и изящным.

Цинлинь чуть заметно улыбнулся. Обычно у него не бывало настроения для подобных демонстраций. Но эта девчушка выказывала такую искреннюю симпатию, что ему захотелось сделать ей приятное.

Да и не донимай она Шэнь Тинюаня расспросами, Цинлинь так и не услышал бы ту «трогательную историю о прошлом», которую на ходу сочинил его муж.

Мысли вновь вернулись к словам Шэнь Тинюаня, зацепившись за слово «силуэт».

В то же мгновение Цинлинь придумал, что нарисует следующим.

А Шэнь Тинюаня охватило редкое для него чувство сожаления.

Он пожалел, что позвал Цинлиня с собой.

«Если бы Цинлинь не пришел, — с упрямой темнотой думал он, — ему не пришлось бы вырисовывать узоры с чужой одежды и попадать на видео для чужих соцсетей».

Шэнь Тинюань уже наяву представлял, какая буря поднимется в комментариях у Чжао Тянь.

Как выражался Хань Чэ: «Вэнь-небожитель — это ходячий магнитофон для вербовки фанатиков».

И тех, кто бредил Вэнь Цинлинем, с годами становилось только больше.

Шэнь Тинюань и сам был одним из них.

Вот только...

— Сяо Шэнь-гэгэ, смотри скорее! — Голос Чжао Тянь вновь разрезал его мрачные думы. — Сяо Вэнь-гэгэ нарисовал тебя, да?!

Шэнь Тинюань очнулся и бросил взгляд на пиалу. Узор на пене изменился.

Вместо двух птичек там проявился...

Его собственный профиль.

Набросок был выполнен в лаконичной, минималистичной манере, но угадать черты Шэнь Тинюаня не составляло труда.

Чжао Тянь заходилась от восторга, директор Чжао тоже рассыпался в похвалах.

Шэнь Тинюань резко вскинул глаза на мужа.

Цинлинь наклонился к самому его уху и тихим, предназначенным только для них двоих шепотом промолвил:

— История, которую сочинил Генеральный директор Шэнь, была очень красивой. Мне понравилась. А Генеральному директору Шэнь нравится мой ответный подарок?

Шэнь Тинюань мгновенно понял, что под «сочиненной историей» Цинлинь имеет в виду и рассказ о любви с первого взгляда, и воспоминание о мастерской.

Тинюань прикрыл глаза. В его душе не было разочарования — напротив, он неощутимо перевел дыхание. Он с самого начала знал, что Цинлинь не поверит.

И именно поэтому осмелился произнести это вслух.

Спустя мгновение Шэнь Тинюань снова подставил свой взгляд под взор Цинлиня и произнес с предельной серьезностью:

— Мне очень нравится подарок Учителя Вэнь.

Его голос едва заметно дрогнул от нахлынувшего волнения. Десять лет назад он пропал, едва увидав профиль Вэнь Цинлиня, а спустя десять лет получил от него свой собственный «профиль», выведенный его руками.

Разве это не было наивысшей наградой?

Шэнь Тинюань ответил чересчур серьезно. Цинлинь отставил чайник, и в нем вновь зашевелилась привычная жажда азарта и провокации. Встречая такого подчеркнуто-правильного Шэнь Тинюаня, ему неизменно хотелось сорвать с него эту маску.

— Раз Генеральный директор Шэнь говорит, что ему нравится... — Цинлинь снова подался вперед, лукаво растягивая слова, и тихим интимным шепотом спросил: — Не пора ли подтвердить свои слова делом?

Из уст взрослого человека это звучало более чем двусмысленно и откровенно.

Подтвердить делом? Как именно?

Разумеется, поцелуем или иным проявлением страсти.

Впрочем, Цинлинь скорее просто поддразнивал его. Сдержанный и строго воспитанный Шэнь Тинюань ни за что не позволил бы себе ничего подобного на глазах у директора Чжао и его дочери.

Кадык Шэнь Тинюаня дернулся, очертания челюсти сжались.

Его мысли мгновенно вернулись к той тьме, что владела им секундой ранее.

Он был лишь одним из многочисленных почитателей Вэнь Цинлиня.

Вот только...

Вот только Шэнь Тинюань прекрасно знал: на самом деле он куда хуже, куда испорченнее любого из них. Его помыслы на счет Вэнь Цинлиня были абсолютно нечисты.

Он жаждал, чтобы Цинлинь смотрел вот так только на него одного. Всегда.

Он хотел подчинить его себе, завладеть им, осквернить его чистый образ...

Мечтал клеймить каждый сантиметр его кожи, каждую косточку.

Мечтал о полном контроле.

Взгляд Тинюаня на мгновение задержался на той самой родинке на шее — такой же манящей, как и десять лет назад, — затем скользнул ниже и замер на тонких, с розоватым оттенком губах Цинлиня.

Как же ему хотелось искушать эти губы до крови, дать им растрескаться, вкусить эту кровь, слизывая ее без остатка...

Шэнь Тинюань глубоко вздохнул и медленно выдохнул.

Спустя пару секунд, подавив бушующий шторм темных желаний, он протянул руку и ласково подхватил пальцы правой руки Вэнь Цинлиня.

И вновь проговорил хриплым голосом:

— Подарок Учителя Вэнь... мне действительно очень понравился.

Натиск безумия был заперт глубоко внутри. Все, что позволил себе Шэнь Тинюань — это склонить голову и прижать бледные губы к тыльной стороне белой кисти Вэнь Цинлиня.

Нежный поцелуй, полный благоговейной, почти религиозной преданности.

<http://bllate.org/book/20550/2115691>